

Кир Булычев. Трудный ребенок

Мне запомнился один разговор. Ничего в нем особенного - я таких разговоров наслушалась сотни. Но тогда мне вдруг пришло в голову, что постороннему человеку ни за что не догадаться бы, в чем дело.

Моя бабушка сидела в соседней комнате и жаловалась на жизнь своей подруге Эльзе. Я к таким беседам отношусь положительно: бабушке полезно выговориться. Специально я не вслушивалась, но работа у меня была скучная, механическая, и некоторые фразы запали в голову.

Я ползала на коленях по полу с тубиком в руке и скальпелем в зубах и подклеивала подкладку пузыря. Разница между дилетантом и настоящим спортсменом-пузыристом заключается в том, что дилетант старую подкладку выбрасывает - невелика ценность. Профессионал клеит подкладку собственными руками и подгонит пузырь по себе так, что его конструктор не узнает. Ведь скорость и маневренность пузыря зависят порой от таких неуловимых мелочей, что просто диву даешься. Мы все такие - профессионалы. Как-то я была на сборах, рядом тренировались велосипедисты - славный пережиток зари механического века. Вы бы посмотрели, как они обхаживали, перекраивали, сверлили свои машины.

И тут я услышала голос бабушки:

- Иногда у меня руки опускаются. Вчера он прыгнул на верхнюю раму телеэкрана и с такой яростью отломал ее, что я боялась - потеряет пальцы.

- Это ужасно, - согласилась подруга.

Всю жизнь у бабушки происходят события, и всю жизнь Эльза выражает

бабушке сочувствие.

Они поговорили немного, я не слышала о чем, потом голос бабушки опять проник в мою комнату:

- Я думала, мы его никогда не достанем из-под плиты. Там щель крохотная. А он умудрился забраться в нее ночью, пока все спали.

- Ты, наверно, страшно переволновалась?

- Не то слово. Утром встаем, его нигде нет. Олег (имелся в виду мой папа) чуть с ума не сошел. А я пошла на кухню, только набрала на плите код, как у Катеринки возникло предчувствие. Она заглянула в щель. Просто счастье, что я не успела нажать кнопку. Потом техник мне сказал, что под плитой температура поднимается до ста градусов.

- И он вылез?

- Ничего подобного. Он застрял. Лежит и шипит. Пришлось демонтировать плиту. А техник сказал...

- Но должны же быть какие-то светлые моменты, - настаивала Эльза.

- Ни одного! - отрезала бабушка. - Но самое страшное, я не представляю, что он выкинет завтра.

- Нырнет в мусоропровод? - предложила в качестве рабочей гипотезы Эльза.

- Это он уже делал. Катеринка поймала его за задние лапы. Все приходится держать под замком, все проверять, все прятать. За последние полгода я состарилась на десять лет.

Последние слова бабушки не соответствовали истине. Выглядела она великолепно. Борьба с Кером придавала ее жизни определенную остроту. Мученический венец бабушку молодил.

И вот, прислушиваясь к этой неспешной беседе и ползая при том со скальпелем в зубах по скользкой подкладке, я пыталась представить себе, что я ничего не знаю. Допустим, я случайный человек, Кера в глаза не

видела. Кем он мне привидится? Котенком? Щенком?.. Но уж совсем не чертенком со старой гравюры...

Меня дома не было, когда отец привез Кера. Я задержалась на тренировке, поэтому и увидела его последней.

Он сидел на столе и показался мне похожим на голодную, замерзшую обезьянку, забывшую о живости и лукавстве обезьяньего племени. Он кутался в какую-то серую тряпку, с которой ни за что не желал расставаться, и его светло-серые глазищи были злыми и настороженными. При виде меня он оскалился, отец хотел его приласкать, но Кер отмахнулся от отца длинной, ломкой рукой. Потом неловко спрыгнул со стола и заковылял в угол.

- Вот, Катеринка, у нас прибавление семейства, - печально сказала бабушка, которая обожает всяческую живность, но которую, как и меня, Кер страшно разочаровал.

Еще вчера мы были полны энтузиазма и предвкушали радостную и трогательную встречу с несчастным сироткой, которого будем голубить, нежить и терпеливо воспитывать. И вот сиротка сидит в углу, шипит, а из-под серой тряпки выглядывает краешек недоразвитого перепончатого крыла.

До встречи я знала о Кере столько же, сколько любой другой житель нашей планеты. Его и еще пятерых таких же малышей нашли в спасательной капсуле на орбите вокруг второй планеты в системе, номер которой я, конечно, забыла. На планете было поселение или база. База погибла при неизвестных обстоятельствах. Корабль подняться не успел, но они смогли погрузить своих детишек в спасательную капсулу и вывести ее на орбиту. Может, они рассчитывали, что к ним придет помощь, не знаю. Помощь не пришла, а сигналы капсулы были приняты экспедиционным судном "Вега". Малыши, когда их нашли, были чуть живы. Вот их и привезли на Землю. Куда еще прикажете их везти, если дома у них теперь не было?

"Вега", разумеется, оставила на орбите маяк. Так что, если прилетят

спасатели, они будут знать, куда эвакуировали малышей.

Сначала их хотели оставить в специальном интернате. Потом решили распределить по семьям: малышам нужна постоянная забота и родительская ласка. И мой отец получил разрешение взять сироту на воспитание. Я думала тогда, что некоторые мои подруги лопнут от зависти. Наша семья оказалась почти идеалом по представленным в ней профессиям: отец - биолог, точнее, космобиолог, мама - медик, а бабушка - известный специалист-теоретик по дошкольному воспитанию.

Вот мы и стали жить вместе. Если это можно назвать "вместе", мне не хотелось бы обижать Кера, но некоммуникабельность, существовавшая между нами, была сродни той, что возникает порой между людьми и дикими животными. Допустим, вы селите у себя горностая. Животное подвижное, сильное и красивое. Вы окружаете его лаской, кормите его мясом в достатке, сооружаете ему удобную постель, но вы думаете при этом, что он если не сегодня, то потом, через неделю, месяц, отплатит вам взаимностью. Но он и сегодня, и завтра, и послезавтра преспокойно кусает протянутую руку, все ворует, создает под подушками запасы гниющего мяса и ждет только возможности, чтобы удрать из дома, вернуться к голоду и неуверенности своего лесного существования. Он убежден, что вы его враг, что все вокруг его враги, заманившие сюда, чтобы съесть. Вот такую аналогию можно было бы провести и с Кером.

Он ничего не хотел понимать. Это не значит, что он в самом деле не понимал. Ему был внушен русский язык, нам - его язык, так что при желании мы могли бы побеседовать. Как бы не так.

Помню, недели через две такой жизни я в минуту раздражения, когда Кер только что разодрал на мелкие клочки очень нужное мне письмо, да при том сожрал эти клочки, сказала ему:

- Дружище, ты что, провоцируешь меня на рукоприкладство? Не добьешься.

Я маленьких не бью.

Он сделал вид, что ни слова не понял, подпрыгнул и укусил меня за назидательно протянутый в его сторону палец. Честно говоря, я вечно ходила с распухшими, ноющими пальцами, а в школе или на тренировках мне не хотелось признаваться, что это работа моего очаровательного сиротки, и я врала напрапалую о приходящем ко мне скунсе-вонючке да рассказывала легенды о благодарности и отзывчивости Керочки.

Бабушку он вообще ни в грош не ставил, все ее воспитательные теории разрушал одним махом, маму не замечал, только отца побаивался, что того очень огорчало.

Отец уверял, что по уровню физического и умственного развития наш новый ребенок равен десятилетнему. И растет он быстрее, чем мы. Так что мы встретились с ним, когда мне было тринадцать, ему будто бы десять. А к моим семнадцати мы должны будем сравняться. При условии, конечно, что физиологи не ошиблись.

Глупым его назвать было нельзя. Доказательством тому случай с дневником наблюдений. Дневник - название условное. Над Кером, как и над другими малышами, велось постоянное наблюдение. Камеры, скрытые в стене комнаты, постоянно фиксировали его жизнь. А кроме того, мы договорились записывать в толстенную книгу, не знаю, где ее раскопала бабушка, все интересное, что, на наш взгляд, происходило с Кером. Читать он не умел. Его этому еще не учили, но как-то догадался, что периодические обращения людей к толстой книге имеют к нему прямое отношение. Может, просто связал последовательность событий - дети ведь такие наблюдательные. Стоило ему чего-нибудь натворить, бабушка или я, папа реже, хватались за книгу и начинали в ней царапать. Так вот, книга исчезла, и мы сначала даже не догадались, что это его рук дело. Он и виду не подал. Так же кусался, отказывался от бабушкиных коржиков и бабушкиных нотаций. И в глазах у него

стояла та же пустота и злоба на нас, на весь наш земной, в общем тепло к нему расположенный мир.

Я тогда пыталась узнать у отца, как обстоит дело в других семьях, которые взяли на воспитание малышей. Оказалось, то же самое. В той или иной степени. У одного профессора Кембриджского университета жила девочка из спасенных. Она никого даже узнавать не хотела. К нам приезжал психиатр, так он сознался, что "на данном этапе мы бессильны найти путь к их сердцам", и уехал, а бабушка потом корила его: "Разве можно так говорить о детях?"

Так вот, книгу он боялся, ждал, видно, от нее каких-то неприятностей, и решил сжечь ее в саду, для чего обломал ночью ветви яблони, сломал сиреневый куст, сложил все в кучу, поджег, только сырые ветви плохо горели, этого он не знал.

Сначала приехали пожарники, потом мы сами проснулись. Гляжу в окно - там страшные прожектора, тревожно; оказывается, пожарный разведчик унюхал дым и приехал нас спасать. Кер сбежал в дом, улегся, весь мокрый, измазанный сажей, в постель и делал вид, что ничего не произошло. Книгу он испортил намертво, но был собой доволен и в ответ на наши укоризненные взгляды радостно скалился - зубки острые, хищные.

Летать он не может. Растопыривает крылышки, становится похожим на летучую мышь и как будто понимает при этом, что нелеп и даже смешон в наших глазах. А летать ему хочется, он может часами сидеть у окна, смотреть на птиц, он себя чувствует ближе к птицам, чем к нам. А однажды кошка поймала летучую мышь. Он, как увидел, бросился к кошке, чуть не убил ее, мышь отнял, только она уже была задушена. Никто у него эту мышь отнять не смог, бабушка переживала, плакала у себя в комнате, он сам мышь похоронил где-то, закопал. Наверно, решил, что мышь ему дальняя родственница. А за кошкой с тех пор гонялся, шипел на нее, бабушка даже

отдала ее потом своей племяннице от греха подальше.

Я нашла эти мои записки, личные записки, только для себя, и удивилась - ведь прошло три года. Мне уже шестнадцать, нашему чуду полосатому - неизвестно сколько, но он уже почти взрослый. Он подросток. Но так как я тоже подросла, и солидно, то он все равно только-только достает мне до пояса. Три года - это очень много, жутко много, то, что было со мной три года назад, то, что я делала и думала, мне кажется совершенно чужим и глупым, словно происходило это с другим человеком. Это была неглупая и довольно образованная тринадцатилетняя девочка, а теперь... теперь у меня другие интересы.

А вот что касается Кера, то мне кажется, он появился в нашем доме всего несколько дней назад. Я отлично помню и тот день, и первые слова, которые были сказаны, и первые переживания.

Кер тогда сначала прожил у нас год. Весь год мы носились с ним как с писаной торбой. Мама мне потом как-то сказала: "Мне даже неловко, сколько родительской ласки мы отняли у тебя ради нашего звереныша". Я не очень из-за этого расстраивалась. Мне родительской ласки хватало, особенно если учесть, что я человек самостоятельный и отлично могу обойтись половиной нормы.

Всем нам было грустно оттого, что наше терпение и внимание пропадали втуне. Он разорвет мой рисунок или еще чего нашкодит, я ему говорю: "Ну скажи, чудо глазастое, за что ты меня ненавидишь?" - "За то", - отвечает. Он вообще предпочитал обходиться без помощи внятной речи. Фраза длиннее двух слов ему была отвратительна. Чаще всего он ограничивался двумя выражениями: "Нет" и "Не хочу". Потом добавил к этому словарю "уйди". Учиться он тоже не хотел. Тут уж мы были совершенно бессильны. А через год

его у нас вдруг забрали.

Тогда отец пришел домой и сказал:

- Завтра Кер уезжает.

В этот момент Кер был занят тем, что рисовал черной краской квадраты на золотистой обивке дивана. Он не знал, что краска смываемая, и его смущало, что никто его не останавливает. Кер поднял ухо, услышав эти слова, но рисовать не перестал.

- Почему? - удивилась бабушка. - Разве ему у нас плохо?

- Плохо, - сказал отец. - Он здесь всегда чувствует себя подавленным.

Кер провел черной краской длинную полосу, довел ее до пола и застыл в неудобной позе, подслушивая, что будет дальше.

- Мы настолько чужды ему, что боюсь, мы скорее травмируем его, чем воспитываем.

- И куда же его отправляют?

- Создана база - изолированный центр, где условия, надеются ученые, приближены к привычному для него окружению. Туда отправляют всех малышей. Они будут дальше расти все вместе.

- Но он уже к нам привык, - возразила я без особой убежденности.

- Привык? - удивился отец.

Кер обмакнул кисть в краску и умело забрызгал меня с головы до ног.

Когда я отмылась, отец объяснил, что малышу надо жить в коллективе себе подобных, что еще неизвестно, когда ему удастся вернуться домой, а пока я должна представить себе, хотела бы я провести годы в одиночестве, среди родственников Кера, или предпочла бы жить в детском саду, вернее интернате, с такими же, как я, детьми? Я не смогла дать вразумительного ответа, а Кер всю ночь не спал, ворошил накопленные им за последний год богатства - он великий барахольщик, тащит себе в комнату все, вплоть-до склянок, черепков, камешков, старых бумажек, сучков и веток, удививших его

своей формой или фактурой. Утром обнаружили Кера внизу, в прихожей. Завтракать он не хотел, собрав свои богатства в мешок, сидел рядом с ним, словно боялся пропустить поезд.

- Нет, - сказала бабушка, которая встала первой и очень расстроилась, что Кер никак не выразил жалости по поводу отъезда. - Так ты не уедешь. Ты сначала позавтракаешь, как все люди.

- Не хочу, - проквакал Кер. Губ у него нет, рот смыкается плотно, даже не увидишь, где эта щель, зато как откроет - словно у лягушки.

- Рад, что уезжаешь? - спросила я, спустившись вслед за бабушкой. В этот вопрос я попыталась вложить всю свою обиду на неблагодарного звереныша.

Кер поглядел на меня в упор и не удостоил ответом.

Завтракать он так и не стал, дожидаясь отца на пороге. Мы вышли с ним попрощаться, он нырнул в флаер и спрятался там. Флаер улетел. Мы с бабушкой вернулись в дом, настроение было поганое, реветь хотелось, а бабушка все время себя казнила за то, что не нашла к нему подхода.

- Пойми, Катеринка, - говорила она мне. - Ведь, в конце концов, отец прав. Совершенно прав. Нас все-таки много, а он один. А что мы знаем о том, как с ним обращалась его мать? Может, его надо по утрам гладить по голове?

- Я видела, как ты гладила, экспериментировала. Он тебя цапнул.

Я была непримирима. Кер меня оскорбил. Ну и скатертью дорога.

Так мы и злились целый день. Вечером вернулся отец, рассказал, как все удачно придумали для малышей, как там все рассчитано по их росту, а температура, влажность и так далее вычислены по оптимальным параметрам.

- А как они его встретили? - спросила бабушка.

- Кто?

- Ну, остальные малыши.

- Как? - отец пожал плечами. - Спокойно. Равнодушно встретили. И не пытайся, мама, прилагать к ним наши эмоции. Взглянули на него и занялись своими делами...

А той же ночью произошло чрезвычайное происшествие. Трое из шестерых малышей удрали из своего нового дома, проявив при этом большую сообразительность. Нас предупредили, потому что Кер мог вернуться и домой. Но он не вернулся. Их всех поймали у космодрома, как они умудрились добраться до него - непостижимо. За ночь они прошли шестьдесят километров. А ведь они еще дети.

Беглецов вернули на базу, объяснили им в который раз, что никто, к сожалению, не знает, в какой стороне находится их дом, они, в который раз, не обратили никакого внимания на эти слова и уговоры. Будто не слышали.

Потом прошло три или четыре дня без всяких происшествий. Это не значит, что мы забыли о Кере, нет, все-таки в доме оставалось множество следов его разрушительной деятельности - и утром четвертого дня, когда я поднялась за чем-то в ту комнату, где раньше жил Кер, а теперь отец решил сделать мастерскую, Кер мирно спал на верстаке, подложив под голову мешок со своими богатствами.

- Ах! - сказала я. И очень обрадовалась.

Он открыл глаза и показал мне кулачок. Молчи, мол.

- Ни в коем случае, - сказала я. - Ты же рецидивист. Все хотят сделать для тебя как лучше, а ты всем делаешь как хуже.

Кер изобразил полное отчаяние, уткнулся носом в мешок, но я продолжала:

- Сейчас тебе придется отправляться обратно на базу, где живут твои товарищи, потому что из-за тебя беспокоятся люди...

Не знаю, что меня тянуло за язык. Может, когда ему сказали, что нужно уезжать, он слишком быстро собрал свой мешок и уж очень хотел скорей убраться отсюда?

Тут Кер сиганул в открытое окно, и, когда я, спохватившись, что же я делаю, бросилась за ним, его и след простыл.

На шум поднялась бабушка, которую мучили предчувствия, а там прибежала и мама, потому что уже позвонили с базы и сказали, что Кер и еще один малыш, который тоже жил недалеко от Москвы, снова сбежали.

Мы искали Кера всей семьей, облазили сад, все его укромные уголки, но не нашли. Обнаружил его отец. Кер, оказывается, незаметно вернулся в свою комнату и уже успел разорить верстак, на котором ему спать неудобно, показывая этим, чтобы ему возвратили его постель.

После долгих переговоров с базой нам разрешили оставить Кера у себя, раз уж он сам того хочет. А вскоре и остальные малыши разъехались по прежним домам. Только двое остались на базе. Видно, как рассудила бабушка, в своих земных семьях они не получили той заботы, которую мы, то есть в первую очередь бабушка, смогли обеспечить нашему сорванцу. Бабушка тщеславна, но, очевидно, это характерно для всех бабушек, когда дело касается их внуков.

И вы думаете, что после всех этих приключений Кер стал спокоен, послушен, начал учиться и уважал старших? Как бы не так. Все пошло почти по-прежнему. Не совсем по-прежнему, потому что бабушка ввела в разряд наказаний угрозу вернуть его на базу, которую почему-то именовала "приютом", и эта угроза действовала. И еще не совсем по-прежнему, потому что Кер немного повзрослел, и я стала замечать, что он ворует у меня видеопленки и ночами крутит их на своей учебной машине. Не знаю уж, что он в них понимал, но, наверное, ему было интересно.

А в общем, хоть и стал он членом нашей семьи, и мысль о том, чтобы он куда-то уехал, кажется даже смешной, родным я его не чувствую. Может, и оттого, что он мне не простил маленькой мести в тот день, когда сбежал из "приюта". С другими членами нашего семейства он, скажем, лоялен, мне он -

враг номер один. И несколько раз, когда ко мне приходили гости, он врывался в комнату и нахально безобразничал, специально, чтобы довести меня до белого каления. Правда, ему это не удавалось, а если гости не пугались его, а смеялись, то он быстро скисал и уползал к себе в комнату.

И еще одно: в этом году Кер научился летать. Сначала он насажал себе шишек, сигая с деревьев и крыши, а потом у него стало получаться вполне прилично, правда, он высоко не поднимается и летит довольно медленно. Крылья у него отросли и напоминают мне крылья самых первых аэропланов. Но они очень тонкие и складываются на спине, словно хребет древнего ящера. Иногда он позволяет бабушке почесать крыло, расправляет его, и зрелище это, доложу я вам, совершенно фантастическое: представьте мою интеллигентную старушку, которая сидит в кресле, полузакрытая серым тонким крылом, у ног ее расположился самый настоящий черт, который жмурится от удовольствия. Кер стесняется, если кто-нибудь увидит его в столь легкомысленной позе, шипит и делает вид, что пришел за книжкой или пленкой, а бабушка ворчит, что им с Кером не дают поговорить по душам, хотя я клянусь, что ни о чем они не разговаривают. Они молчат и наслаждаются самым процессом общения.

А с поисками их настоящего дома дело пока не движется. Я все понимаю, но мне грустно сознавать, что, может быть, этим существам придется всю жизнь провести здесь.

А я уже три месяца как в сборной Москвы. Я считаю себя неплохой пузыристой. Странное это слово - пузыристка, мне всегда кажется, что за этим должно скрываться что-то толстое и розовое. А я, как известно, не толстая и не розовая. Вот научится Кер летать получше, возьму его как-нибудь с собой. Пусть посмотрит, что его врагиня тоже на что-то годится.

Никогда ничего нельзя предусмотреть в жизни. Я сейчас достала свои старые двухслойные записки с промежутком в три года и подумала уже не о том, изменилась ли я сама, а об изменении самой сути событий. Я прочла записки, не думая, что продолжу их - подростковая графомания меня уже оставила, - но незаметно для себя самой начала писать, окунаясь в прошлое, далекое и совсем недавнее.

В общем, прошло немного времени. Несколько месяцев. И конечно, если бы все шло как положено, писать было бы не о чем. Но заболела и умерла бабушка. И случилось это, в общем, незаметно для всех. Бабушка была вечной, и, если она прихварывала, это воспринималось в порядке вещей. Бабушка часто прихварывала, у нее было плохое сердце, а на операцию она не соглашалась, почему-то она искренне была уверена, что искусственные клапаны человеку противоестественны.

Умерла бабушка, когда никого не было дома. Кер в тот день улетел к своему соотечественнику, жившему километрах в ста от нас, в доме одинокой профессорши. Улетел он не на крыльях, на флаере, он не любил любопытных взглядов и расспросов. Он, разумеется, уже не кусался, не шипел, встретившись с незнакомым человеком, но старался уйти или улететь, в общем, избежать встречи. Я была на соревнованиях, отец с матерью на работе. Кер вернулся домой раньше всех и нашел бабушку мертвой. Он, конечно, не сообразил вызвать "Скорую помощь", хоть это уж никому бы не помогло - бабушка умерла часа за два до его возвращения, - а попытался вытащить ее из дома, положить ее в флаер... Тут вернулся домой отец.

Я несколько недель после этого жила под впечатлением бабушкиной смерти. Все из рук валилось. Ну как же так? Ведь вот бабушкины вещи, вот ее книга недочитанная, а в шкафу ее платье, которое она с такой помпой шила себе к семидесятилетию и с тех пор ни разу не надела. Какая несправедливость, что

вещи живучее людей. И я даже подумала, что был смысл в обычаях скифов, которые предавали огню все, что оставалось на этом свете от человека, чтобы ничего не напоминало о нем близким. Они знали цену забвению. А может, это были не скифы, а может быть, они были не правы... Я места себе не находила, не появлялась в институте Времени, где у меня была практика, забросила все тренировки, хотя на носу было первенство города. Всем было плохо, но оказалось, что хуже всех Керу.

То ли он еще не сталкивался в своем мире со смертью, то ли забыл об этом, маленький был, но удивительнее всего, что он просто возненавидел всех нас за это. Ни с кем не хотел общаться. Сидел у себя, никуда не вылезал. Только один раз спустился вниз, зашел в библиотеку, подставил стул к шкафу и вытащил оттуда все старые детские книги, которые когда-то принадлежали мне, а потом бабушка их читала Керу. В первый год, пока он у нас жил. Я тогда думала, что он их и не слушает, даже посмеивалась над бабушкой: "У них крокодилы по улицам не ходят, а что такое рассеянность, он никогда не поймет". - "Ты же поняла, - отвечала бабушка и продолжала: - "Вот какой рассеянный с улицы Бассейной..." Кер сидел в углу и делал вид, что рассматривает потолок.

Так вот, он все эти книги собрал, отнес к себе и положил у кровати. Больше ничего не взял. На похороны бабушки не пошел, может, и не знал, что это такое, или не захотел. И на ее могилу ни разу не пошел. Он стал уже коренастый, как шар, ноги у него короткие, кривые, никакой одежды он не признавал, даже в самые морозы, и вообще, по-моему, на перемены температуры не реагировал. Только в последний год накидывал распашонку на меху, с прорезью на спине. Когда бабушка умерла, он эту распашонку выкинул, и я поняла, что носил он ее только ради бабушки. А может, я так придумала, потому что тогда мне хотелось так думать.

И стал он какой-то потерянный, словно его обманули. Он стал внимательно

смотреть за мамой, я думаю, потому, что она казалась ему похожей на бабушку. Он боялся и ее потерять. Мы с мамой об этом ни разу не разговаривали, но она наверняка понимала, и даже тон у нее в разговорах с Кером (какие там разговоры - мама говорит, он, как всегда, молчит) стал какой-то заговорщицкий, словно они знали что-то, чего нам, непосвященным, знать было нельзя.

Со мной он общаться не хотел.

Прошло месяца три с бабушкиной смерти, и наша жизнь как будто вошла в колею. Кер все чаще пропадал у своего соотечественника, тот тоже к нам прилетал. Они уходили далеко от дома, в лес, о чем-то говорили, и мне их было жалко.

Иногда Кер прилетал со мной на тренировки. Ему, видно, нравилось смотреть, как мы гоняли в пузырях. Он чаще всего оставался в флаере, наблюдал за мной из окошка, и я всегда чувствовала его взгляд. Однажды он почему-то обеспокоился за меня, или мне хотелось так думать, поднял флаер и взлетел.

Попало за это мне - считается, что флаер может повредить шар, хотя это чистая теория. Инструктор читал мне нотацию. Он отлично знал, что я ни при чем, но читал, чтобы приструнить Кера. Кер тут же улетел, даже не подумав, что мне тоже нужен флаер, чтобы вернуться домой. И месяц после этого на аэродроме не появлялся. Потом возобновил свои поездки со мной.

В июле мы отправились на соревнования в Крым. Там в Планерной отличные восходящие потоки. Мы с Кером подогнали мой пузырь, проверили каждый квадратный миллиметр, ставка была высока - если я войду в тройку, значит, я войду в сборную. Кер знал об этом.

Когда мы утром выгрузились в долине, я долго стояла, глазела в небо, я всегда люблю глазеть на летающие пузыри. Они казались воздушными шариками, упущенными неловкими малышами, они отсвечивали как мыльные пузыри, и люди

внутри пузырей были почти не видны.

Участников на те соревнования собралось человек триста, не меньше. Некоторые прибыли издалека. Прямо над моей головой тянулась цепочка пузырей киевской команды. Мне ребята еще в Москве говорили об их шарах: их шары больше размером, чем наши, и казались полосатыми - красными с желтым. Изнутри они, конечно, прозрачные, но снаружи цветные. Киевляне сильны в групповых соревнованиях. Их шары крепятся друг к другу с лета, словно прилипают, и мгновенно перестраиваются в цепочки, круги, кресты, рассыпаются, как разорванная нитка бисера, и вновь безошибочно находят соседа. Я знаю, как сложно работать в фигурном летании, сама больше года была в московской команде, пока не перешла в одиночницы.

Потом я залюбовалась таджиками слаломистами. Один за другим их шарики скользили между прихотливо натянутыми тросами трассы, замирали на мгновение, падали вниз и спиралью взмывали к небу. Хотелось даже прищуриться, чтобы разглядеть тонкие ниточки, за которые их тянул, как марионеток, невидимый кукловод. И тут же я увидела голубой, известный здесь каждому, шар Раджендры Сингха - скоростного аса, прошлогоднего чемпиона, моего соперника. Сингх своих карт не раскрывал, парил неспешно над полем, словно взлетел, чтобы полюбоваться природой. Я помахала Сингху, хотя вряд ли он мог узнать меня с высоты.

Я подошла к знакомому парню из ленинградской команды. Он только что влез в пузырь и не успел еще застегнуться. Пузырь казался прозрачной тряпкой, пластиковым мешком.

- Помоги мне, - сказал ленинградец. Тут он увидел Кера, раньше они не встречались, и вздрогнул от неожиданности.

- Ой, - сказал он. - Что это?

Кер обиделся, насупился, он такого фамильярного обращения не терпел. Я выругала ленинградца:

- Разве так можно? Ты к нему как к собачонке обратился.

- Я ничего такого не сказал. А он откуда?

- Это мой брат, - сказала я.

- Родной? - не унимался ленинградец, который все еще не мог уразуметь, что я не намерена шутить.

Я краем глаза следила за Кером, но его увидели ребята из моей команды, они его знали и нещадно эксплуатировали. Это было лучше, чем умиление или удивление. Я услышала, как Света Сахнина крикнула ему:

- Кер, голубчик, ты что такой грустный? Поднимись метров на пять, проверь направление потока.

Тот послушно взмыл в небо и начал парить, поднимаясь выше и опускаясь, а мой ленинградец смотрел на это разинув рот. Тогда я сказала ему:

- Залезай внутрь. Сколько я должна тебя ждать.

Я, надо сказать, гордилась Кером и с каждым днем все более проникалась уверенностью в том, что он по-своему красив, как красиво любое функционально устроенное тело.

Ленинградец, продолжая удивляться, забрался в свой пластиковый мешок. Я задраила ему верхний люк, и он начал надувать свой пузырь. Он проверил винт - тот нормально отработал на холостом ходу, махнул мне рукой, чтобы я отцепила балласт. Я сняла чушку, пузырь резко взлетел в воздух и завис над моей головой. Ленинградец висел внутри пузыря, как паук в паутине, и я отметила, что крепления у него расположены не очень надежно. Ленинградец накренил пузырь, проверяя его маневренность, винт сзади превратился в сверкающий круг, и пузырь пошел вверх, набирая высоту.

Кер притащил мне мой пузырь, и я решила его испытать. Поднимаясь в воздух, я никогда не включаю винт, пока не наберу порядочной высоты. Очевидно, никто, кроме самых первых авиаторов, не испытывал никогда этого удивительного ощущения - лететь в небе, как будто под тобой ничего нет. В

любительских пузырях именно из-за этого делается небольшая непрозрачная подстилка внизу, а то с непривычки кажется, что ты можешь упасть с высоты.

Изнутри стенки почти не видны, а крепления, которыми я подвешена к центру пузыря, мы с Кером сделали тоже прозрачными. Поэтому ничто не мешает мне представлять, что я лечу сама по себе, как во сне.

Кер поднимался рядом со мной, смотрел на меня злыми глазами, я знаю почему - он не выносит, когда я поднимаюсь больше чем на полкилометра - тогда он не может следовать за мной и перестает ощущать собственное превосходство.

Я включила двигатель и быстро оставила Кера внизу. Пузырь слушался меня безукоризненно. И именно в тот момент я поняла, что нет у меня соперников здесь, что я всех обгоню и на скоростных гонках, и на слаломе - трасса его, проложенная между подвешенными с аэростатов тросами, была одной из сложнейших в мире, и с утра мне надо будет опробовать ее. Кер черной точкой реял подо мной, спускаться на землю не хотел, но и выше ему было не подняться.

И тут мои мечты потерпели неожиданное крушение. Все из-за какого-то сумасшедшего курортника. Он вылетел на флаере из-за горы и быстро пошел напрямик. Никто его вовремя не заметил, не приземлил. Увидев столько шаров, парящих в воздухе, он испугался, что может столкнуться с ними, пустил флаер как-то наискосок, чтобы уйти от верхних пузырей, свободно паривших в воздушных потоках, и я оглянуться не успела, как он благополучно врезался в мой шар. Такое случается раз в десять лет. Если бы я взлетала по расписанию, если бы не моя самодеятельность, когда я, думая, что лишь проверю крепления, даже парашюта надевать не стала, ничего бы не случилось. Пузырь - самый безопасный в мире вид транспорта, у него два слоя обшивки, он прочен и эластичен.

Когда этот курортник в меня врезался, он умудрился ударить по пузырю

единственной острой деталью флаера - стабилизатором, ровненько так распороть внешнюю оболочку почти пополам и сделать значительную дыру во внутренней. Воздух стал уходить с такой скоростью, что шар сморщивался на глазах и пошел вниз. Я только успела включить до отказа поступление воздушной смеси, но результат совсем не оправдал ожиданий: с таким же успехом я могла бы вычерпывать воду из сита.

Все слишком быстро произошло; я даже испугаться не успела. Да и высота у меня была небольшая. Земля неслась мне навстречу, а я все придумывала, что мне надо сделать по инструкции, чтобы не разбиться. Я ничего не успела.

Ребята, которые смотрели снизу, только ахнули, когда увидели, как меня погубил дурацкий флаер, а тренер крикнул им, чтобы развернули еще не надутый пузырь и подняли. Но конечно, они бы не успели ничего сделать - уж очень быстро я падала вниз.

Володя Дегрелль, один из немногих, сообразивших, что произошло, бросил свой пузырь так, чтобы попасть под меня у самой земли. Он страшно рисковал, он, конечно, большой мастер, один из десятки лучших слаломистов Европы, он почти успел, но тоже только почти. Успел лишь Кер.

Ему (и мне, конечно) повезло, что он кружил почти подо мной, поглядывал вверх, словно предчувствуя неладное. И тут он видит, что я благополучно валяюсь с неба в пузыре, который на глазах превращается в прозрачную тряпку со мной в центре. Надо ж было ему сообразить - он полетел вниз с такой же скоростью и, когда поравнялся со мной, всего метрах в пятидесяти-семидесяти от земли, подхватил меня и начал отчаянно бить крыльями, чтобы задержать мое падение.

И в результате мы с ним грохнулись на киевский пузырь, который подбросил нас вверх, и упали на растянутое ребятами полотно. Это не значит, что мы не расшиблись. Мы, конечно, расшиблись. Я отделалась

синяками, а Кер сломал пальцы правой руки и вывихнул ногу.

Нас кое-как залатали, все слишком много говорили о Кере, о его сообразительности, решительности, а он терпел перевязки - наркоза ему дать нельзя, - было ему страшно больно, но он терпел. Очень был на меня зол, шипел, как три года не шипел, тогда я, хоть и все во мне болело, протянула ему руку и сказала:

- Хочешь, укуси, если легче станет.

А он отвернулся и больше на меня не смотрел, хоть я, как только встала через два дня, сразу приползла к нему и уж не отходила от его постели.

Приходил с извинениями тот идиот-турист, он оказался очень милым парнем, океанологом, он мне даже понравился, и я на него не сердилась, но Кер глядел на него таким мрачным взглядом, что океанолог вскоре ушел, смущенный и запуганный.

Мы вернулись в Москву, так я и не попала в сборную, меня даже на полгода отстранили от полетов за то, что я поднялась без парашюта.

Я уже встала, Кер еще лежал, у него плохо срастались пальцы, все светила космобиологии побывали у нас дома, его навещали и другие бывшие малыши, я часто сидела с ним, и он, большой уже, взрослый, когда никто не видел, просил меня знаками - ему все время было больно, - чтобы я читала ему вслух детские книжки, которые читала ему бабушка.

Но бывают такие заколдованные круги. Вот меня не было дома, когда Кер приехал, и не было дома, когда стало известно, что ему надо уезжать.

Раз уж я совсем выздоровела, то сидеть дома до конца каникул не было смысла. И Кер это тоже понимал. Он немного окреп, ходил по дому, стал заниматься - он решил все-таки пройти университетский курс. А я отправилась в туристский поход. В самый обычный, на байдарке, на две недели. Кер остался в Москве.

Я помню, вечером лежала я у костра, смотрела на звезды и думала: "Вот

на одной из них живет родня моего Кера и не знает, как далеко его занесло от дома и он вынужден рисковать своей жизнью из-за своей старшей сестры, которая ему вовсе и не сестра и которую он в лучшие времена и узнавать бы не захотел". И еще я думала, каково ему смотреть на эти звезды и понимать то же, что понимаю я.

Тут я услышала, что к берегу пристала чья-то чужая байдарка - другие туристы приехали. Я не стала вставать, не было настроения. Только краем уха слышала, о чем они там говорят. Потом слышу, один из приехавших, прихлебывая чай, вещает:

- А вы когда-нибудь видали крылатиков?

- Кого? - спрашивает Ирина, моя подруга.

- Крылатиков. Знаете, несколько лет назад их нашли в космосе и потом на Землю привезли?

Я насторожила уши, догадавшись, о чем речь. Правда, я никогда раньше не слыхала, чтобы их так называли. Ну ладно, что делать, надо же какое-то им иметь название.

- Знаю, видала, - говорит Ирина равнодушным голосом. Она человек сдержанный и не стала объяснять им, что с одним из крылатиков, с Кером, она даже отлично знакома.

- Вот, а я не видал, - говорит приехавший. - И чуть было конфуз не получился. Мы сейчас, часа полтора назад, шли по реке, вдруг прямо из-за облаков выныривает громадная птица...

- Скорее летучая мышь, - поправил его другой голос.

- Ну, летучая мышь. И прямо на нас. Хорошо еще, что мы не охотники и нет у нас ничего с собой.

Я вскочила. Что-то случилось. Кер ищет меня.

- Катеринка, - позвала меня Ира, - ты слышала?

- Я возьму байдарку, - сказала я.

- Хорошо, конечно.

Я искала в темноте весла. Сергей подошел ко мне и помог снести байдарку в воду.

- Я поеду с тобой? - спросил он.

- Нет, - сказала я. - Мне одной быстрее.

- Ты ошибаешься, - сказал Сергей. - Мы будем грести вдвоем.

Я больше не стала спорить.

- А он покружил над нами и полетел дальше, - донесся до меня голос.

До поселка мы добрались только к трем часам ночи. В поселке на почте лежала телеграмма от отца: "Прилетай немедленно. Кер уезжает".

Именно будничное слово "уезжает" поразило меня своей окончательностью.

Я разбудила лесника, вымолила у него рабочий флаер и полетела домой. Может быть, если бы я догадалась прямо рвануть на космодром, я бы успела.

Дома никого не было. Только записка от Кера. Она была наговорена на машинку, и буквы были правильные, равнодушные:

"Я вернусь".

И все. Тогда я бросилась к видеофону, набрала информацию. Там мне сказали, что особый рейс уходит через шесть минут. И подключить меня к нему уже не могут.

И тогда еще я могла бы успеть. Как оказалось, рейс все-таки задержался, почти на полчаса, а мой запасной пузырь домчал бы меня до космодрома скорее. Но я, как последняя дура, бросилась на диван и разревелась. Я была жутко обижена на жизнь, на себя, на отца, который не предупредил, на Кера, который не нашел меня. Тогда я не знала, что вылет задержался именно из-за него, потому что он обшарил все притоки Оки и вернулся еле живой, что его чуть ли не силком затащили в корабль его соотечественники. Потому что там все решали минуты: корабль, шедший к их системе, принадлежал не Земле, надо было на планетарном судне выбросить их на орбиту Плутона, чтобы

перехватить звездный корабль. И узнали об этом слишком поздно, потому что информация, полученная о планете Кера, пришла на Землю с опозданием и не сразу разобрались, что к чему.

Отреветшись, я поднялась к Керу в комнату. Там все осталось на своих местах. Он ничего не стал брать с собой. Кроме трех детских книжек. А отказаться от полета он тоже не мог. У каждого есть свой дом.